

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2009 г. В.Г. КУЗНЕЦОВ

ЛУИ ЕЛЬМСЛЕВ: РАННЕЕ НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Статья посвящена первой теоретической работе Л. Ельмслева «Принципы всеобщей грамматики», представляющей научно-историографический интерес в плане установления преемственности с его последующим научным творчеством, и как опыт разработки методологических основ лингвистики универсалий – задача, сохраняющая свою актуальность и в настоящее время.

В 2008 г. исполнилось 80 лет со времени выхода в свет первой крупной работы выдающегося лингвиста XX в., основателя глоссематики Л. Ельмслева – «Принципы всеобщей грамматики» (1928) [Hjelmslev 1928], (в 1953 г. вышел испанский перевод). Анализ этой работы представляет историко-методологический интерес, поскольку дает возможность установить логику развития научной мысли ученого, определить степень преемственности с его основным трудом «Пролегомены к теории языка» (1943). Между тем в историографической литературе уделялось незаслуженно мало места изучению раннего научного творчества лингвиста, теория которого получила противоречивые оценки, и которая нуждается в более глубоком анализе с позиции современного гуманитарного знания.

Работа Ельмслева представляет интерес для историка языкознания еще и потому, что в ней представлена широкая панорама развития не только лингвистики, но и смежных наук в первые десятилетия XX в. Она была опубликована, когда автору было 29 лет. До этого вышли две небольшие статьи на датском языке. Одна была посвящена вопросам фонетики литовского языка (1922), а другая – научному творчеству О. Есперсена (1923).

Обращает на себя внимание тот факт, что работа была написана не на датском, а на французском языке. Можно предположить, что это было сделано с той целью, чтобы она стала известна широким кругам европейских лингвистов. Это предположение основано на том, что Ельмслев упоминает имя датского лингвиста Х.Г. Вивеля, опубликовавшего в 1901 г. пионерскую работу, в которой были последовательно изложены основные принципы построения всеобщей грамматики. Тот факт, что эта работа не оказала заметного воздействия на развитие лингвистической теории, Ельмслев объясняет, в первую очередь, тем, что она была написана на датском языке [Hjelmslev 1928: 110–111].

Предпочтение французскому языку, очевидно, способствовало и то, что первая крупная работа Ельмслева была написана во время его пребывания в Париже в 1926–1927 гг. Он посещал лекции А. Мейе и Ж. Вандриеса, проявлял живой интерес и к другим французским и швейцарским лингвистам-последователям Ф. де Соссюра, особенно к М. Грамону и А. Сеше. Э. Фишер-Йоргенсен писала, что «на всю жизнь Ельмслев сохранил любовь к французскому языку и французской культуре, приверженность идеям французской лингвистики» [Fischer-Jørgensen 1965: V].

Привлекает внимание широкая эрудиция Ельмслева – знакомство с западноевропейской, восточноевропейской, американской лингвистикой и, что особенно интересно, хорошее знание и частое цитирование русских лингвистов, представителей формального направления Ф.Ф. Фортунатова, В.К. Поржезинского, А.М. Пешковского, М.Н. Петерсона. Их работы не были переведены. Мы не обнаружили сведений о том, читал ли Ельмслев по-русски. Поэтому на этот счет можно строить разные догадки.

Стимулом для написания Ельмсловым своей работы стал тот факт, что в начале XX в. среди лингвистов наметилась тенденция к разработке общей теории языка, которая осуществлялась в разных направлениях: определение объекта лингвистики Ф. де Соссюром, совокупность приемов лингвистического анализа у Л. Блумфильда, форма (типы) языков у Э. Сепира, природа языка О. Есперсена.

Работа Ельмслева характеризуется, с одной стороны, преемственностью с предшествующим развитием лингвистики – универсальные грамматики XVII–XVIII вв., учение Ф. де Соссюра, концепция А. Сеше, работы О. Есперсена и Э. Сепира, а с другой, – ориентирована в будущее – создание общей теории языка, в которой язык трактуется как автономный объект. Непосредственная задача «Принципов всеобщей грамматики» – разработать «теорию морфологической системы языка» [Там же: 3]. Путь, на который Ельмслев стал уже в своей первой работе, – определение языка как формы.

Хотя название работы Ельмслева и напоминает о французской традиции всеобщих грамматик, венцом которых можно считать работу Сильвестра де Саси [Sacy 1799], ее цель иная – заложить основы науки о языковых категориях. В центре внимания идея, что язык есть «форма, которая находит выражение в последовательности категорий, составляющих его систему» [Hjelmslev 1928: 7].

Ельмслев критикует логико-психологический подход А. Сеше и О. Есперсена к изучению морфологических категорий. По его мнению, ближе всего приблизились к выделению грамматических категорий на чисто формальной основе А.М. Пешковский и М.Н. Петерсон. Наука о лингвистических категориях еще не разработана. При этом Ельмслев ссылается на слова А. Мейе: «Предстоит проделать большую работу, чтобы расклассифицировать языковые факты с точки зрения самой системы» [Meillet 1921: vii]. «Чтобы разработать всеобщую грамматику, надо стать на почву самого языка», – подчеркивает Ельмслев [Hjelmslev 1928: 39]. Методы, на которых должно основываться создание всеобщей грамматики, – эмпирический и индуктивный. Эта установка контрастирует с последующей дедуктивной основой принципов глоссематики. Ельмслев даже критикует дедуктивный подход А. Сеше в его работе «Принципы и методы теоретической лингвистики» (1908) [Sechehaye 1908], которую он хорошо знал и неоднократно цитировал.

По мнению Ельмслева, Сеше более детально, чем Соссюр, подходил к различию состояния языка и его эволюции. Ельмслев делает важное замечание: различие между синхронией и диахронией только в методе: «объект один, различаются только точки зрения на него» [Hjelmslev 1928: 47]. Подобно Сеше, Ельмслев стремился дополнить соссюровское представление синхронии и диахронии как простое пересечение двух координат. По его мнению, эти оси должны комбинироваться с тем, что они позволяют рассматривать на уровне объекта: первое деление лингвистики на синхронию и диахронию пересекается с другим делением – на теорию звуков, теорию форм, теорию слов и теорию синтагм. Теория звуков, сохраняющая наибольшее равновесие между двумя осями, в равной мере допускает изучение с точки зрения синхронии и диахронии. Формы, слова и синтагмы все больше отдаляются от оси диахронии и приближаются к оси синхронии. «Звуки и синтагмы являются крайними полюсами эволюции» [Там же: 49].

Ельмслев подчеркивает доминирующую роль системы в языке: «система – доминирующий принцип организации любого языка» [Там же]. Разные единицы языка обладают неодинаковыми системными свойствами: крайними полюсами являются звуки и синтагмы. В отличие от Сеше, предугадавшего еще в 1908 г. развитие фонологии: «можно представить фонологическую систему в алгебраическом виде» [Сеше 2003: 130], Ельмс-

лев, несмотря на знакомство с работой Сеше, считал, что «понятие значимости не распространяется на систему звуков» [Hjelmslev 1928: 49].

Уже в ранней работе Ельмслева заложен формальный, реляционный подход к языку, получивший законченное развитие в «Прологоменах». Так, «в синтаксисе элементы отсутствуют, есть только система» [Там же: 52]. При этом Ельмслев ссылается на второе издание работы А.М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» [Пешковский 1920], в которой формальный подход проводится наиболее последовательно. Он цитирует следующее высказывание Пешковского: «формы слов изменяются и от изменения звуков языка, и от изменения значений, и от изменения словаря. Но есть и такие изменения в области форм, которые не зависят ни от того, ни от другого, ни от третьего, а происходят сами по себе, и это как раз важнейшие изменения» [Пешковский 1920: 31]. Известно, что в дальнейшем Пешковский отошел от формализма, стремясь синтезировать его с психологизмом в духе идей А.А. Потебни.

Ельмслев не проводит различия между морфологией и синтаксисом: «любая морфология – синтаксис. Любой синтаксис – морфология» [Hjelmslev 1928: 53]. Как в морфологии, так и в синтаксисе преобладают синтагматические отношения. При этом Ельмслев ссылается на работу Ш. Балли 1922 г. «Язык и мышление» [Bally 1922]. Это еще раз свидетельствует о том, что Ельмслев хорошо знал работы ведущих представителей Женевской школы, последователей Ф. де Соссюра, Ш. Балли и А. Сеше, многие идеи которых оказали значительное влияние на формирование его лингвистических взглядов.

Вслед за Соссюром, для которого грамматика языка есть система средств выражения данного состояния [Соссюр 1977: 167], Ельмслев считал, что грамматика может быть только синхронной. Так же как и Соссюр, он отрицал возможность исторической грамматики. Он присоединяется к точке зрения Ш. Балли, аргументировавшего этот подход: «эволюция грамматического факта объясняется синхронными оппозициями, которые он приобретает в различные состояния своей эволюции, и каждое из этих состояний представляет собой целое, которое проявляется само по себе и внутри себя» [Bally 1922: 117].

Ельмслев считал, что наступило время до конца осуществить изучение языка в синхронии. Он полагал, что большая часть этой работы уже проделана Московской школой (учениками Ф.Ф. Фортунатова В.К. Поржезинским, А.М. Пешковским и М.Н. Петерсоном) и группой женевских лингвистов – Ш. Балли и А. Сеше.

В любой грамматической системе фундаментальным является понятие категории. Первым вопрос о категориях поставил Аристотель, но его подход был логическим. Современная грамматика во многом основывается на античной традиции. Однако «лингвистические категории не могут быть просто кальками логических категорий» [Hjelmslev 1928: 80]. Он настаивает на положении, ставшем основополагающим в его концепции: категории должны устанавливаться на строго лингвистической почве. В связи с этим он критикует А. Сеше и О. Есперсена за обращение к другим наукам при установлении чисто лингвистических фактов.

Категории существуют независимо от материального аспекта языка и «имеют собственную, независимую от слов, историю и собственное независимое развитие» [Там же: 83]. В качестве примера Ельмслев приводит случаи заимствования категорий без заимствования средств их выражения, когда используются возможности, предоставляемые заимствующими языками. Примером могут служить примечательные сходства между грамматическими системами ряда балканских языков, особенно между румынским, албанским и болгарским, касающиеся замены категории инфинитива другими грамматическими средствами и параллельным развитием суффиксированного артикля.

Ельмслев полагал, что в грамматике следует идти от выражения к значению, смыслу, а не наоборот, как предполагает метод идентификации, предложенный Ш. Балли [Bally 1909]. Отсюда неразличение морфологии и синтаксиса, которое восходит к А. Марти, А. Доза и Ф. де Соссюру. «С лингвистической точки зрения у морфологии нет своего реального и самостоятельного объекта изучения; она не может составить отличной от синтаксиса дисциплины» [Соссюр 1977: 168].

Ельмслев выделяет три класса языковых единиц: 1) фонемы, 2) семантемы и морфемы, 3) слова. Предложение не включено потому, что оно с трудом поддается определению. Это в наименьшей степени относится и к слову. Но слово – необходимое лингвистическое понятие, в то время как предложение может быть заменено, без ущерба, понятием синтагмы или теорией словосочетаний. Ельмслев предлагает рассматривать теорию словосочетаний как теорию комбинации семантем посредством морфем. Иначе обстоит дело со словом. Будучи независимой единицей, оно может рассматриваться безотносительно к составляющим его элементам. Ельмслев возражает против включения Соссюром лексикологии в грамматику. В то же время он одобряет подход в этом плане Г. Штейнталя, А. Нурена и Ш. Балли. «Лексикология и семантика должны рассматривать слово как единицу безотносительно к ее элементам, в то время как предмет грамматики – семантемы и морфемы в их взаимных отношениях, абстрагируясь от слова как такового» [Hjelmslev 1928: 99].

Можно предположить, что на концепцию грамматики Ельмслева оказала влияние точка зрения А. Сеше. «Наша концепция грамматики по отношению к термину «слово» соответствует точке зрения Сеше, который различает ассоциативную грамматику, занимающуюся семантемами, и синтагматическую грамматику, занимающуюся морфемами» [Там же: 100–101].

Выделенным трем элементам Ельмслев придавал универсальный характер. «Любой язык включает элементы трех видов: фонемы, являющиеся звуковыми элементами; семантемы и морфемы, являющиеся грамматическими элементами; слова, являющиеся элементами лексикологическими и семантическими» [Там же].

Ельмслеву импонирует высказывание Соссюра: «Задачей общей синхронической лингвистики является установление принципов, лежащих в основе любой системы, взятой в данный момент времени... К синхронии относится все, что называют "общей грамматикой" ...» [Соссюр 1977: 133]. Синхронические исследования могут быть двух видов: 1) исследование состояний конкретных языков и 2) исследования, связанные с абстрактным состоянием – плоскость, на которую проецируются факты, установленные в исследованиях первого типа, другими словами, всеобщая грамматика. Применительно к этой науке Ельмслев предлагает использовать термин «панхрония». Заметим, что Соссюр подходил к вопросу панхронии с позиции общего и отдельного: «В лингвистике... есть правила, переживающие все события. Но это лишь общие принципы, не зависящие от конкретных фактов; в отношении же частных и осязаемых фактов никакой панхронической точки зрения быть не может» [Соссюр 1977: 128].

Вслед за А. Сеше [Sechehay 1908: 109, 127] Ельмслев предлагал рассматривать панхронию не как необходимость, а как общую возможность: «Установление панхронических возможностей станет – мы в этом твердо убеждены – целью любой общей лингвистики» [Hjelmslev 1928: 104]. Он ставил перед лингвистикой глобальную программу-максимум: «панхронические результаты могут быть получены только сопоставительным рассмотрением состояний всех известных языков, в которых встречается рассматриваемое явление» [Там же: 106–107]. Другими словами, речь идет о построении лингвистики универсалий. Хотя со времени выхода работы Ельмслева прошло 80 лет, лингвистика все так же далека от решения этой задачи. Нельзя не согласиться с Ельмслевым в том, что достижение на этом пути подлинно научных результатов требует непомерных усилий. Оно под силу только крупному международному научному коллективу.

Грамматика, – в концепции Ельмслева, – наука не идеохроническая, а панхроническая, идеохронические исследования – всего лишь способы панхронического исследования [Там же: 107]. Он говорит о четырех научных центрах, где наметились тенденции к построению всеобщей грамматики в его определении: с одной стороны, Женева (Ф. де Соссюр и его ученики А. Сеше и Ш. Балли) и Париж (А. Мейе и его школа), а с другой – Москва и Ленинград.

Ставя на первое место Женеву, Ельмслев имел в виду, в первую очередь, работу Сеше «Программа и методы теоретической лингвистики», оказавшую заметное влияние на становление его лингвистической концепции. Заслугу русских лингвистов Ельмслев

видит в том, что они решительно поставили вопрос о существовании чисто формальных категорий и выступили против отождествления грамматики с психологией и логикой. Наконец, они проводили четкую границу между синхронией и диахронией.

Ельмслев разделяет определение формы, разработанное А. Сеше [Sechehayе 1908: 110 и сл.]. «Вместе с ним мы различаем звуковой аспект, конкретный и условный... и грамматическую форму, абстрактную и алгебраическую...» [Hjelmсlev 1928: 112]. Ельмслев приравнивает грамматические категории к форме. Одна и та же категория может выражаться разным способом в различных состояниях языка. Два языка могут иметь одну и ту же форму, хотя способы, посредством которых она выражается, полностью различны в том и другом языке. В качестве аргумента Ельмслев привлекает следующее высказывание Балли: «Одно и то же понятие может облекаться в совершенно различные грамматические формы» [Bally 1922: 125]. Но при этом Ельмслев предлагает поменять местами терминологию: «не одно и то же понятие выражается разной формой, а одна и та же форма имеет разное воплощение» [Hjelmсlev 1928: 114]. С точки зрения сосюрдовской терминологии «форма входит в состав означающего, а не означаемого» [Там же: 116]. Форма является осязаемой в том смысле, что она представлена рядом подсознательных категорий, заключенных в словесном образе. «Форма – посредник между мышлением и речью» [Там же: 120]. Ельмслев неоднократно обращался к определению формы. «Под формой надо понимать не только форму самого знака, но также форму, налагаемую знаком на артикуляционный ряд, в который он входит» [Там же: 121].

Всеобщая грамматика как наука о категориях представляет собой изучение форм, проявляющихся тремя способами: семантемами, морфемами и функциями. Под грамматической функцией Ельмслев понимает: 1) способность сочетаться исключительно с определенными морфемами и 2) способность сочетаться с другими семантемами исключительно посредством определенных морфем. Термин «грамматическая функция» никогда не применяется по отношению к морфеме. Только семантемы могут иметь функцию. Поэтому морфемы не существуют в изолированном виде. Примером функциональной дифференциации является дифференциация рода, порядок слов. Последние служат основанием рассматривать синтаксис как теорию грамматических форм.

В своей ранней работе Ельмслев еще не отделяет полностью форму от содержания. «Для разработки грамматической науки мы полагаем необходимым, в принципе, предположить, что каждая категория в каждый момент своего существования обладает значимым содержанием» [Там же: 169]. У Ельмслева встречаются высказывания, созвучные подходам современной когнитивной лингвистики к выделению мыслительного содержания на основе языковых фактов: «не подлежит сомнению, что изучение языка может послужить, само по себе, основой для выделения психологических фактов» [Там же: 170]. В отличие от Г. Пауля, полагавшего, что грамматические категории восходят к психологическим [Paul 1920: 263], Ельмслев придерживался противоположной точки зрения. «Напротив, возможно построить психологическую теорию на грамматической основе» [Hjelmсlev 1928: 170]. Но в другом месте Ельмслев заявляет: «грамматика – дисциплина, которая по определению безразлична к любой проблеме семантического порядка» [Там же: 202].

Цель первой работы Ельмслева – «установить на основе сопоставления конкретных систем категорий абстрактную систему категорий, которая может быть спроецирована на все идеосинхронические состояния» [Там же: 214]. Проблема ставится следующим образом: возможно ли проецировать «конкретные системы языков», то, что В.фон Гумбольдт называл «внутренней формой», а Г. фон дер Габеленц «духом языка» (сходные идеи высказывали Ж. Ван Гиннекен, А. Сеше, Г. Шухардт, Ф. Боас и Э. Сепир), на абстрактный уровень, образующий систему? Другими словами, существуют некоторые грамматические средства, общие для всех языков, отражающие универсальное тождество основных психологических процессов. Речь идет о принципиальном родстве всех языков, но «теория этого фундаментального родства еще не разработана» [Там же:

254]. Вообще, мысль о лингвистической универсальности проходит красной нитью через все научное творчество Ельмслева.

Термин «внутренняя форма», по мнению Ельмслева, имеет ряд недостатков, отсутствующих у термина «система». Так, название «внутренний» может создать впечатление, что оно означает имплицитную форму и речь не идет о формальных фактах.

Представляет интерес модель знака Л. Ельмслева. Языковой знак состоит из трех различных, но связанных между собой частей:

I означаемое

II форма

III фонема

Форма выступает в гумбольтовском смысле как способ организации, членения содержания, специфичного для каждого языка.

Ельмслев останавливается на понятии нормы, получившем развитие в его более поздних работах. Норма со ссылкой на работы И.А. Бодуэна де Куртенэ, которые Ельмслев хорошо знал, определяется «как идеал, которому должны следовать говорящие субъекты, составляющие определенную социальную группу» [Там же: 239]. Норма определяется в духе Женевской школы как социальное принуждение. «Норма, которая основывается на своего рода социальном контракте, является внешней по отношению к нерегулярным случаям употребления в речи. Индивид вынужден подчиняться норме, а допустимые отклонения всегда незначительны» [Там же: 240].

Понятие нормы получило развитие в статье Ельмслева «Язык и речь» [Ельмслев 1965], в которой в ряду схема – норма – узус – акт речи он определял норму «как материальную форму, определяемую в данной социальной реальности, но независимо от деталей манифестации» [с. 113].

В своем раннем научном творчестве Ельмслев еще не приводил различия между нормой и узусом: «если употреблять термин “грамматическая правильность” в качестве синонима узуса, это эмпирическое понятие, идентичное понятию нормы» [Hjelmslev 1928: 241]. Такая нерасчлененность, очевидно, обусловлена тем, что данные понятия рассматривались еще безотносительно к учению Соссюра о языке и речи.

Так же как и Ш. Балли, Л. Есперсен подчеркивает, что наиболее достоверные результаты в лингвистических исследованиях могут быть достигнуты на материале родного языка; факт, который часто недооценивают. А глубокое знание иностранных языков Ельмслев выдвигал как первостепенную основу панхронических исследований.

Универсальность грамматических категорий Ельмслев объяснял тем, что «в целом, языковые средства призваны оперировать в рамках, установленных природой человека, который их производит» [Там же: 251]. Он приводит имена известных лингвистов, которые настойчиво проводили мысль о возможности построения всеобщей грамматики. Так, Г. Шухардт настаивал на том, что генеалогическое родство является не единственным объединяющим. Существует также фундаментальное родство, основанное на природе человека, общих законах, регулирующих человеческую психологию. Это доказывают грамматические средства, полностью или частично присущие самым разным языкам. Такой же точки зрения придерживались Я. Вакернагель, Х. Вивель и Ж. Вандриес. Так, Вандриес писал: «Однако каковы бы ни были различия в умственных навыках различных народов, существование некоторых основных черт нельзя отрицать». И далее: «Не будет ошибочным и утверждение, что существует только один человеческий язык под всеми широтами, единый по своему существу» [Вандриес 1937: 112, 217].

Наиболее яростным противником всеобщей грамматики был Клод Леви-Брюль, что логически вытекает из его концепции: существуют фундаментальные различия между языками «примитивных» и цивилизованных народов. Если стать на его точку зрения, то может существовать грамматика примитивных языков и цивилизованных, следовательно, всеобщая грамматика невозможна.

Ельмслев полемизировал с Леви-Брюлем по вопросу о том, что языки отражают мышление, говорящих на них народов. «A priori, не представляется возможным допу-

стить, что язык отражает все особенности, даже фундаментальные, мышления говорящего субъекта» [Там же: 262].

Отвергал Ельмслев параллелизм логических и языковых категорий. «Все различия логического порядка не являются одновременно и различиями порядка лингвистического» [Там же: 263–264]. В дальнейшем примат лингвистического получил крайнее выражение в глоссематической теории.

Объект лингвистики Ельмслев определял с позиции общего и отдельного, универсальности и диверсификации. «Разнообразие языков и единство языка представляют собой две равноценные истины. Реальность состоит в том, что язык одновременно един и многосторонен. В этом заключается двойственность языка, которая может быть добавлена к тем, которые изучал Ф. де Соссюр» [Там же: 23 и сл.].

Ельмслев намечает и метод исследования этой двойственности: «единственный возможный метод состоит в установлении абстрактной категории, соответствующей каждой конкретной категории, не принимая заранее во внимание ее протяженность» [Там же: 271]. Так, можно выделить такую абстрактную категорию, как «определенность» и «неопределенность», хотя эта категория и отсутствует в значительном количестве конкретных языковых состояний. Существование категории даже в одном конкретном состоянии дает основание предположить, что она существует как возможность в психологической базе языка. «Абстрактная категория есть не что иное, как возможная категория» [Там же]. Как совершенно верно заметил Ж. Вандриес: «между языком и языками можно установить такое различие: язык – это совокупность психических и физиологических приемов, используемых человеком при говорении; языки же это – практическое применение этих приемов» [Вандриес 1937: 217].

В языковой способности содержатся предпосылки использования всех возможных языковых средств. Ельмслев ставит задачу изучать не только эти возможности, но и условия их реализации. «Основная цель панхронической грамматики состоит в пристальном изучении условий существования каждой из категорий в конкретных состояниях» [Там же: 275].

Ельмслев возражал против установок А. Мейе и его школы объяснять изменение языковых фактов социальными факторами, при этом недооценивались внутренние факторы. Он приводит случаи, когда сам Мейе был вынужден признать преобладание системных факторов над социальными. Так, согласно гипотезе Мейе, новые социальные условия способствовали разрушению прежней системы родов в польском языке. Между тем польский (и чешский) дифференцировали эту систему в еще большей степени.

Ельмслев считал, что результаты изучения языка в синхронии могут оказаться очень полезными для диахронических исследований. «Всеобщая грамматика, благодаря достигнутым результатам, может предложить перспективные направления реконструкции значений морфем и реконструкции грамматических систем, если не полностью, то, по крайней мере, частично» [Там же: 292].

Подтверждением правильности мыслей Л. Ельмслева может служить малоизвестная гипотеза А. Фрея [Frei 1940], в соответствии с которой предпосылкой возникновения неопределенных местоимений в разных языках явилась транспозиция вопросительных в процессе функционирования языка. При этом он основывался на данных синхронии, экстраполируя наблюдаемые факты на диахронию. Свое предположение он иллюстрировал примерами употребления вопросительных слов в значении неопределенных во многих индоевропейских языках.

В заключении своей книги Ельмслев пишет, что она содержит общие принципы, которые послужат для него руководством к действию. Эти принципы получили дальнейшее, хотя и своеобразное, развитие в его итоговом труде «Прологомены к теории языка», вышедшем в 1943 г. на датском языке и переведенном на английский, французский и русский языки [Ельмслев 2006].

Многие положения и первой теоретической работы Ельмслева не утратили своего научно-историографического значения. Остается сожалеть, что она до сих пор не переведена на русский язык.

Историографическое значение этой работы прежде всего в том, что она позволяет установить преемственность с дальнейшим научным творчеством Ельмслева, установить логику развития его лингвистической концепции.

Научный интерес работы в том, что в ней намечены принципы «языкового универсализма». В отличие от предшествующих всеобщих грамматик, базировавшихся либо на логических категориях (Пор-Рояль, Бозе, де Саси, Дж. Харрис и др.), либо на психологических (Кондильяк, Марти), Ельмслев решительно становится на почву языка. Он ввел в понятие языка такие свойства, как универсальное-конкретное, общее-частное, потенциальное-реальное. Все эти свойства можно свести в одно понятие: род-вид. С одной стороны, существуют конкретные языки, а с другой – гипотетический универсальный язык, включающий категории как реальные, так и возможные, всех языков. Если всеобщие грамматики XVII–XVIII веков создали предпосылки для становления новой научной парадигмы – сравнительно-исторического языкознания, то труд Ельмслева относится к тем, которые подготовили почву для развития лингвистики универсалий. Поэтому его первую работу с полным основанием можно было бы назвать «Принципы лингвистики универсалий». Слова Р. Якобсона о рассмотрении языка как целого, а лингвистики как «двусторонней науки, важной чертой которой является взаимоотношение части и целого» [Якобсон 1965: 395], вполне применимы к раннему и последующему научному творчеству Л. Ельмслева – выдающегося лингвиста XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вандриес 1937 – Ж. Вандриес. Язык / Пер. с франц. М., 1937.
Ельмслев 1965 – Л. Ельмслев. Язык и речь // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.
Ельмслев 2006 – Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. М., 2006.
Пешковский 1920 – А.М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1920.
Соссюр 1977 – Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977.
Якобсон 1965 – Р. Якобсон. Значение лингвистических универсалий для языкознания // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.
Bally 1909 – Ch. Bally. Traité de stylistique française. Heidelberg, 1909.
Bally 1922 – Ch. Bally. La pensée et la langue // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 1922. T. XXIII.
Fischer-Jørgensen 1965 – E. Fischer-Jørgensen. Obituary. Louis Hjelmslev // Acta linguistica Hafnien-sia. V. 9. 1965. № 1.
Frei 1940 – H. Frei. Interrogatif et indéfini. P., 1940.
Hjelmslev 1928 – L. Hjelmslev. Principes de grammaire générale. København, 1928.
Meillet 1921 – A. Meillet. Linguistique historique et linguistique générale. T. I. P., 1921.
Paul 1920 – H. Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle, 1920.
Sacy 1799 – S. De Sacy. Principes de grammaire générale, mis à la portée des enfants et propres à servir d'introduction à l'étude de toutes les langues. P., 1799.
Sechehayе 1908 – A. Sechehayе. Programme et méthodes de la linguistique théorique. Psychologie du langage. P.; G., 1908. (Русск. пер.: А. Сеуе. Программа и методы теоретической лингвистики. Психология языка. М., 2003.)